

КЕЛЛИ РИММЕР

Когда я тебя потеряла

КЕЛЛИ РИММЕР

Когда я тебя потеряла

Для поклонников чувственных
романтических историй
Джоджо Мойес и Николаса Спаркса!

Келли Риммер — автор романов-бестселлеров по версии “USA Today”. Ее книги переведены более чем на 20 языков. Истории ее героев покоряют своей искренностью и небанальным развитием сюжета. Автор затрагивает темы и вопросы, которые волнуют каждого читателя.

Молли и Лео — люди из разных миров. Она — состоятельная дочь влиятельного отца. Он — журналист, работающий в «горячих точках», ежедневно рискующий жизнью. Но для настоящей любви, вспыхнувшей между Молли и Лео, казалось, не существует преград. Увы, романтика продлилась недолго: Лео не захотел расставаться с опасной работой, которая стала для него наркотиком, потому что считал семейную жизнь унылой рутинной. В один день, потеряв почти все, Лео осознает ценность того, что имел. Будет ли у него второй шанс, чтобы начать все сначала?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4178-7

9 786171 124178 7

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

KELLY RIMMER

*When
I lost you*

A NOVEL

КЕЛЛИ РИММЕР

*Когда я тебя
потеряла*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
P51

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии «*Lorella Belli Literary Agency*»
и «*Synopsis Literary Agency*»

Переведено по изданию:
Rimmer K. *When I Lost You : A novel* / Kelly Rimmer. — London :
Bookouture, 2016. — 384 p.

Перевод с английского *Олега Буйвола*

Дизайнер обложки *Анна Демидова*

ISBN 978-617-12-4178-7
ISBN 978-1-910751-90-9 (англ.)

- © Kelly Rimmer, 2016
- © Shutterstock.com / Yanawut Suntornkij, обложка, 2018
- © Nemiroltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Посвящается Кейти

Часть первая

Глава первая

Молли

Июль 2015 года

Я поняла, что можно одновременно всем сердцем любить человека и так же страстно ненавидеть его. Эти два чувства могут, как ни странно, пребывать в равновесии, оставляя после себя удручающее ощущение пустоты. Десять дней, сидя у больничной койки мужа и разглядывая его лицо, я размышляла о том, как же мы к этому пришли... Нет, я раздумывала не о том, как он очутился в палате интенсивной терапии в столь тяжелом состоянии. Это как раз было вполне логично и почти неизбежно. Меня удивляла вся двусмысленность моего отношения к этому лежащему на койке мужчине. Лео был... есть любовью всей моей жизни. Я не разлюблю его до самой своей смерти, но, как бы невероятно это ни звучало, я одновременно его ненавижу... Такие вот дела.

Оказавшись в коме, Лео сохранил свою красоту, несмотря на свалявшуюся бороду и бинты, обматывающие его раненые участки тела. Он был бледен, лежал без сознания, но при этом казался каким-то... опасным. Он был *опасен*. Лео всегда относился к себе и к своей жизни, словно к чему-то такому, чем можно легко пожертвовать ради дела. Под простынями и больничным халатом его тело покрывали шрамы, как свежие, так и бесконечное множество потускневших следов, оставшихся от ранее пережитых им несчастных случаев.

Мой муж — из тех людей, которые умеют завлечь других в свое путешествие, пусть даже оно ведет в никуда. Со времени несчастного случая с Лео я как будто превратилась в живого мертвеца. Я отлучалась от его постели только тогда, когда силы окончательно меня покидали, и забывалась во сне. Дни я проводила в состоянии, близком к коме. Конечно, в отличие от Лео, я была в сознании, но вся бессознательная часть моего существования будто бы замерла.

Все, на что я действительно была способна в течение всех этих ужасных дней, — это прочувствовать всю гамму эмоций, сопровождающих нашу ситуацию. За последние годы я возомнила себя непревзойденным экспертом в вопросе одиночества, но теперь, когда между нами пропасть, я поняла, что прежде это была всего лишь видимость одиночества. В течение четырех минувших лет, пройдя все взлеты и падения в наших отношениях, все тяжелые и беззаботные времена, Лео оставался моей неизменной опорой. Сколько раз я хваталась за телефон, чтобы сказать, как мне страшно и какой потерянной я себя чувствую, но сейчас я понимала, что эти мои потерянности и одиночество являются исключительно его виной.

Меня ошеломила новость, что врачи собираются уменьшить дозу седативных лекарств, которые поддерживали Лео. В течение первых часов я подписала документы о разрешении донорства органов и обсудила со специалистами, на каком этапе все их героические усилия утратят какой-либо смысл. Мне даже пришлось сделать неприятный звонок родителям Лео, а потом его редактору в Сиднее, чтобы обсудить с ними возможность похорон. Даже когда его состояние стабилизировалось, врачи старались, чтобы я не теряла связи с реальностью. Лишь только я по привычке излишне бурно выражала свой оптимистический настрой, они быстро осаждали меня очередной порцией реализма. Шансы на его полное выздоровление с самого начала были невелики, а с каждым прошедшим днем их становилось все меньше. Если Лео очнется, говорили врачи, почти нет надежды на то, что он останется тем же человеком, каким был до несчастья.

А потом они начали пробовать ненадолго снимать с его лица маску аппарата искусственного дыхания, чтобы он мог подышать самостоятельно. Я уже успела возненавидеть эту чертову штуковину: при каждом вздохе воздух со свистом наполнял легкие Лео, а потом с шипением выходил наружу. Двадцать четыре часа в сутки свисты аппарата искусственного дыхания звучали в моих ушах, пока я ждала, терзаемая страхами. Эти звуки подчас ужасно действовали мне на нервы, вызывая чувство необъяснимой неблагодарности по отношению к системе, которая поддерживала его жизнедеятельность. Как-то вечером, придя в свой отель, я приняла душ и немного поспала, но когда ранним утром я возвратилась в палату к мужу, то обнаружила, что врачи вынули трубки из его

горла. Видя, как Лео ровно дышит уже без вспомогательных предметов, я ощутила, как мое сердце наполняется надеждой, в которой я сейчас так сильно нуждалась. Несмотря на все то, что произошло между нами за прошедший год, несмотря на все отчаяние последних недель, я не могла отказаться от надежды. Я хочу, чтобы все люди в мире любили Лео, независимо от того, будет ли его мир моим или нет.

* * *

Поздним утром на одиннадцатый день после моего прилета в Рим меня разбудили кашель и хрюкающие звуки, издаваемые Лео. Оказалось, я заснула в кресле, стоявшем у окна. Моя голова покоилась на подлокотнике, а ноги были перекинуты через другой подлокотник кресла.

— Я здесь, Лео! — крикнула я.

Я не знала, может ли он повернуть голову, поэтому, встав подле его койки, нагнулась над ним. Я заметила раздражение на его лице, когда он наморщил лоб, поэтому потянулась к его очкам. У меня отлегло от сердца, когда я водрузила их на место. Признаться, теперь, когда синяки и отеки спали, Лео выглядел каким-то чужим без этих хорошо знакомых очков в черепаховой оправе. Я видела, как его зрачки, приспособливаясь к линзам, то сужаются, то снова расширяются, затем взгляд его остановился на мне. Я улыбнулась, но очень слабой, почти дрожащей улыбкой. Я была настолько взволнована, что даже боялась дышать. Сначала Лео вообще не отреагировал на меня. На мгновение я испытала сильнейшее разочарование. Что если на этом все и кончится? Что если он, уже очнувшись, не сможет ни говорить, ни замечать мое присутствие?

Ноги и бедра мои занемели. Я не могла долго стоять в такой неудобной позе, поэтому медленно опустилась на стул, стоящий рядом с его койкой. Внезапно я снова почувствовала надежду, так как Лео повернул голову, следя за моими движениями. Он внимательно смотрел на меня, стараясь сфокусировать свой взгляд, но потом его зрачки внезапно сузились, и я абсолютно точно заметила в них нечто сродни порицанию. Я инстинктивно сжалась, приготовившись «обороняться». Неужели он считает, что я не имею права здесь находиться? И что прикажете мне делать? Остаться в Сиднее, бросив его тут одного? Он в очередной раз не имел ни малейшего представления, что мне пришлось пережить по его вине.

Не человек, а сплошная загадка... но, ради бога, я просто не имела права сейчас на него кричать. Лео только что вышел из комы. Не успела эта мысль зародиться в моей голове, как он вновь сомкнул веки.

Врачи предупреждали меня, что потребуется некоторое время, что надо набраться терпения — иного выхода нет, но я слишком долго терпела и, кажется, окончательно исчерпала все свои запасы этой добродетели. Я с опозданием осознала, насколько сильным оказался мой гнев, и привкус неприятной горечи появился у меня во рту. Неохотно я поднялась со стула и направилась в кафетерий. Покинув палату Лео, я задалась вопросом: чего же я на самом деле хочу? Ответ лежал на поверхности, но, когда я призналась себе в этом, меня охватило чувство вины.

Мне захотелось, чтобы Лео поскорее пришел в себя, чтобы с ним ничего слишком плохого не случилось. Тогда я смогу вернуться домой и попытаться разобраться с собственной жизнью.

Глава вторая

Лео

2011 год

Привет, Лео!

Надеюсь, что, когда ты читаешь это письмо, с тобой все в порядке. Я слежу за твоей карьерой. Поздравляю с получением Пулитцеровской премии. Ты многого достиг. Это просто замечательно! Мой брат тобой бы гордился. Он всегда повторял, что ты многого добьешься в жизни.

Уверена, ты помнишь, что через несколько месяцев — десятая годовщина со смерти Дека. Надеюсь, когда ты в следующий раз будешь в Сиднее, ты сможешь уделить мне немного времени и рассказать о его последних днях. Я понимаю, что много у тебя прошу, но, если ты согласишься немного побыть со мной и ответить на мои вопросы, я, уверена, лучше пойму то, что произошло, и это принесет мне успокоение, в котором я так нуждаюсь. Ниже я привожу мои контактные данные. Прощу, позвони, если можешь.

Всего наилучшего, Молли.

Я как раз был в полевом госпитале в Ливии, когда в папке с входящими электронными письмами наткнулся на одно из первых — ее послание. Прошло три недели с тех пор, как я проверял мою почту. Так много писем, и никакого желания их читать... Из двухсот с хвостиком писем я открыл только ее. Я сидел на носилках. Левая рука — на перевязи. Пуля попала мне в плечо. Мне повезло. Ранение оказалось самым легким из возможных, но плечо болело просто адски. Я пребывал в крайне расстроенных чувствах, когда впервые читал послание Молли на экране своего спутникового телефона, но в «мусорную корзину» я его отправил совсем не из-за плохого настроения.

— Ну? — Брэд Норс, мой фотограф и соавтор всех моих репортажей, уселся на стул рядом со мной. — Летим домой?

— Домой? — повторил я и вздохнул. — Брэд...

— Если кого-нибудь из нас подстреливают, все возвращаются. Так принято...

— Пожалуйста... — я выключил спутниковый телефон. — «Подстрелили» — сильно сказано. Пуля ничего важного не задела.

— Это в тебе морфий говорит.

— Они не кололи мне морфий. Думаю, это был парацетамол...

Или какой-нибудь фальсификат из сахара... Как бы там ни было, а проглоченная два часа назад таблетка ни на йоту не облегчила пульсирующую в плече резкую боль. Честно говоря, мне и самому хотелось вернуться домой. В полевых условиях врач обследовал меня с помощью оборудования, которое было у него под рукой, но я хотел удостовериться, что моя рука не пострадала намного серьезнее, чем считает он. А еще хотелось более сильного болеутоляющего. Вот только в Ливию мы прибыли всего несколько недель назад, и я не испытывал особого удовольствия, вспоминая о своих исследованиях, в которых я пока не сумел добиться прогресса. Если я сейчас отправляюсь в Сидней на лечение, придется встретиться с Молли Торрингтон и отвечать на ее неприятные вопросы по поводу смерти брата.

— Мы летим домой, Лео, — неожиданно твердо произнес Брэд.

Я отрицательно замотал головой и тут же поморщился от боли, пронзившей мое плечо.

— Тут есть еще чем заняться, — произнес я, когда вновь смог ровно дышать.

— *Всегда* найдется, что еще можно сделать. Я улетаю, с тобой или без тебя. У тебя, наверное, стальная психика, но моя не настолько крепка. Пуля могла убить не только тебя, но и меня. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

В конце концов, у меня не было другого выбора. Когда я беседовал со своим редактором Кисани Хьюз, то, описывая происшествие, сказал, что получил «поверхностное ранение», но Брэд позвонил ей чуть позже и рассказал немного другую историю. В результате Кисани отозвала нас обратно в Сидней. Я протестовал, но к тому времени, когда шасси нашего самолета коснулось взлетно-посадочной полосы, у меня начался жар, а еще налицо были признаки воспаления в плече. С большой неохотой я вынужден был согласиться, что она была права.

А вот отпуску по болезни, на котором настоял наш штатный врач, я совсем не радовался. Несколько недель вынужденного бездействия представлялись мне сущим кошмаром. Уже через несколько дней я начал страдать от скуки. Я не мог выгуливать собаку, ездить на мотоцикле и заниматься спортом. Я не мог даже ходить на занятия по карате, которые регулярно посещал между командировками. Я много читал и ужасно много думал, но, стараясь сосредоточиться на сюжете романа или неуклюже, одной рукой делая себе завтрак, я постоянно в мыслях возвращался к Молли Торрингтон.

Я всегда симпатизировал ей, но четко осознавал, что любой разговор о смерти ее брата будет болезненным для нас обоих. Я не смогу окончательно поставить точку, чего ей так хочется. Легких ответов не будет, если разговор пойдет о смерти Деклана Торрингтона.

Я не особенно хорошо ее знал. В течение многих лет я был далек от их семейной жизни и даже в лучшие времена бывал у них всего лишь в качестве незваного гостя. В последний раз я видел ее на похоронах ее брата. Она смотрела на могилу, почти не мигая. Потрясение не сходило с ее лица в течение всего этого времени. Прежде, когда мы встречались, Молли постоянно смеялась или улыбалась. Веселая, счастливая, богатая девчонка, встречающая любую неожиданность широкой, искренней улыбкой. Деклан любил шутливо замечать, что буйный смех сестры всегда врывается в комнату до того, как она войдет. Так глашатай возвещает о прибытии особы королевской крови.

Именно на похоронах брата я впервые увидел ее, убитую горем. Я тогда еще подумал, что глубина боли, отражавшаяся в глазах Молли, внезапность свалившейся на нее утраты могут навсегда ее изменить. Не исключено, что никогда в будущем она не сможет так непринужденно улыбаться, как улыбалась раньше. Письмо, пришедшее по электронной почте, сокрытая в словах Молли скорбь доказывали справедливость тех моих давнишних подозрений.

Время от времени я наблюдал ее фотографии в прессе. Год или два назад ее снимок появился даже на обложке одного делового журнала. В это время Молли утвердили вице-президентом в «*Торрингтон Медиа*». Помню, как я заметил этот журнал в газетном киоске аэропорта Дубай и удивился. Она же слишком молода, чтобы работать у отца! Я подсчитал и с удивлением осознал, что

Молли должно сейчас быть где-то под тридцать. Было непостижимо, что жизнерадостная Молли Торрингтон однажды станет во главе транснациональной медиаимперии, но в статье ее уже называли будущей наследницей дела отца. И в этом не было ни малейшего сомнения.

Молли удалось то, чего не смог сделать Деклан: пройти трудный путь из детства во взрослую жизнь, находясь под постоянным давлением непомерных надежд и чаяний Лейта Торрингтона. Вот только, если судить по сделанному в студии фотопортрету, от беззаботной девчонки, какой она когда-то была, не осталось и следа. Молли обрезала карамельного цвета волосы, которые в годы ее юности были до самой талии, а то, что осталось, покрасила в блондинистый цвет. На фотографии Молли улыбалась, вот только улыбка казалась мертвой на ее губах. В голубых глазах, не отрывающихся от объектива, застыл твердый, холодный взгляд, который как бы говорил: *«Ты хочешь бросить мне вызов?»* Если бы я через средства массовой информации не наблюдал за тем, как ее внешность постепенно меняется, я бы ни за что ее не узнал — она превратилась из беззаботного ребенка в повзрослевшую корпоративную акулу.

Хотелось бы мне знать, какую долю вины в этом превращении несет на себе смерть ее брата. Потом я думал о том, что бы Деклан сделал, будь он жив, что бы *он* хотел от меня. Я никогда не был сторонником хранения скелетов в шкафу. Это противоречит моей природе и моему воспитанию, я также решительно против использования этой философии, когда дело касается личного. Некоторые аспекты жизни следует попридержать, чтобы они, потускнев со временем, забылись навсегда. Как бы там ни было, а я не смог применить это жизненное правило в отношении Молли. Я извлек ее электронный адрес из папки для «мусора». Когда я набирал номер ее мобильного телефона, то старался не обращать внимания на мучительное чувство, затаившееся у меня глубоко в животе. Звонок легким не будет, но я был *абсолютно* уверен, что поступаю правильно.

— Молли Торрингтон! — порывисто представилась она.

— Привет, Молли. Это Лео. — Женщина не ответила, и я добавил: — Лео Стефенс.

— Я поняла... извини... Я не ожидала, что ты позвонишь, — произнесла она.

Я взглянул на письмо и только сейчас осознал, что уже прошло больше месяца.

— Извини, что так долго заставил тебя ждать, — сказал я. — Я был в командировке, и меня там ранили.

— Как ты, в порядке?

— Да, сейчас да... Ничего серьезного.

— Хорошо... — Молли запнулась в нерешительности. — Господи! Лео! Мне очень жаль, что с тобой такое случилось.

Я дотронулся кончиками пальцев ног до ковра, борясь с необъяснимой нервозностью, охватившей меня. Пустая болтовня была ни к чему. Она только немного отодвигала неизбежное.

— Ты хотела поговорить о Деклане? — произнес я.

— Да. Я хотела... хочу... Мы можем встретиться?

— Встретиться?

Такого поворота я не ожидал, но как только Молли произнесла это слово, я решил, что, пожалуй, лучше обойтись без свидания.

— А-а-а... я...

— Пожалуйста, — тихо прозвучал ее голос.

Мое мерное постукивание пальцев ног оборвалось, я замер.

— Это ненадолго. Я обещаю.

— Ладно.

— Когда будет удобней?

— Я на больничном. Можем встретиться в любое удобное для тебя время.

— Сейчас?

— Сейчас... но...

— Тогда, может, чуть позже сегодня?

— Можно прямо сейчас, — вздохнув, произнес я и настроженно добавил: — Не знаю, чего ты ждешь от меня, Молли?

— Но это же ты нашел его?

При воспоминании об этом в моей груди что-то сжалось. До сих пор я ясно видел перед глазами Деклана, безвольно распластавшегося на грязном, потертом коврикe в кладовке подвального помещения дома, в котором жил мой двоюродный брат.

— Да.

— Ну...

Она позволила слову повиснуть в воздухе. Я терпеливо ждал, когда Молли закончит свою мысль, но стало ясно, что не дождусь.

— Хорошо. Где встречаемся?

Я познакомился с Декланом в первые недели после поступления в Сиднейский университет. Это было в середине девяностых. Нас двоих приписали к одному профессору, чтобы мы совместно ходили на его консультации и готовились к экзамену. Теперь я почти уверен, что это была чья-то злая шутка: свести вместе паренька, проживающего вместе с безработной матерью в муниципальной квартирке, с сыном миллиардера, который рос в особняке, выходящем окнами на Сиднейскую гавань.

Я вел себя грубовато в те дни. Признаю это. Помню, что сидел рядом с Декланом и чувствовал себя настолько забытым, что едва мог осмелиться что-либо сказать. К счастью, я вскоре понял, что я не один такой, кто чувствует себя, словно рыба, выброшенная на берег. Нет, внешне Деклан казался вполне самоуверенным молодым человеком, изысканно одетым и способным красиво выражать свои мысли, но только на внешности он продержался недолго. Где-то в середине семестра мне стало понятно, что Деклан более меня заинтересован в том, чтобы нам все удалось.

Мы с Деканом быстро сдружились, как это случается с подростками. Оба мы испытывали неприятие по отношению к тому положению, в котором каждый из нас очутился. Абориген среди массы белых в большинстве своем студентов нашей группы — здесь я был чужаком. Если бы не специальные квоты, предоставляемые правительственной программой, и моя способность писать вполне сносные сочинения, меня бы здесь не было. Самое интересное, что такой богатый белый парень, как Деклан, также не был своим среди студентов. В старшей школе он с треском провалил выпускные экзамены. Если бы не тугие карманы его отца, Деклан вообще бы не учился в университете, не говоря уже о таком популярном и престижном заведении, как Сиднейский университет.

Если принять в расчет все привилегии, которые сыпались на Деклана, можно было бы легко возненавидеть его, но у парня имелась замечательная черта характера: он не обращал внимания на деньги или их отсутствие, не обращал внимания на цвет кожи, национальность, внешний блеск и прочие атрибуты, на которые большинство людей смотрят с повышенным вниманием. С самого начала я стал для него другом. Почему-то Деклану никогда не приходило в голову, что существуют обстоятельства, способные этому помешать. Когда я наконец-то с большой неохотой пригласил его

к себе домой, Деклан, переступив порог малюсенькой, сырой квартиры, которую я делил с матерью, озадаченно огляделся.

— Блин, Лео! — воскликнул он с неподдельным удивлением, даже шокированный увиденным. — Ты бедный?

— Да.

— Я не знал, — произнес Деклан, пожал плечами и, открыв дверцу холодильника, стал искать, чем бы перекусить.

Он, что ни говори, был добрым малым.

* * *

Спустя час после нашего телефонного разговора я ждал Молли в кафе, расположенном в местечке Скалы. Тупой страх, засевший где-то у меня в животе, никуда не делся. Нельзя не признать, что смерть Деклана поставила семью Торрингтона в щекотливое положение, свидетельством чему явилось то, как быстро и искусно они создали в средствах массовой информации дымовую завесу, чтобы сокрыть обстоятельства его гибели. Я очень сомневался, что мои слова смогут чем-то утешить Молли.

— Извини, что я опоздала ...

Я и не заметил, как она подошла. Молли стояла совсем близко. Я порывисто поднялся на ноги. Мы стояли и глядели друг на друга несколько секунд, затем Молли развела в стороны руки, предлагая обняться. Прежде мы едва касались друг друга, даже на похоронах. Ее отец следил, чтобы я держался от Молли подальше.

Я не отстранился от ее объятий, только отвел в сторону раненую руку и неуклюже прижал Молли здоровой. Она теперь была выше, чем я ее помнил, достигнув почти моего роста, а еще, как я и предполагал, вокруг нее витала аура изысканной женщины, владеющей нешуточными богатствами. Она злоупотребляла косметикой, на мой взгляд, а еще от нее сильно пахло духами. Мы разжали наши объятия. Молли уселась на стул напротив. Она рассеянно поиграла поясом платья, а потом пригладила рукой свою челку. Белокурые волосы были очень короткими, короче, чем мои. Необыкновенную мягкость ее взгляду придавала довольно длинная челка, зачесанная вперед и изгибающаяся на лбу к щеке.

— Я очень тебе благодарна, — сказала Молли.

— Я уже говорил, но повторю: надеюсь, ты не ожидаешь услышать от меня исчерпывающих ответов. Я могу сказать тебе только то, что знаю.

— Закажем кофе?

Она дала знак официанту, который чуть не опрометью бросился по первому ее зову. Я уже и забыл, что значит быть на публике с одним из Торрингтонов. Молли и Деклан не были известными в каждой семье, но их знали как детей своего отца. Когда в годы учебы в университете я и Дек оказывались в барах, мы всегда могли рассчитывать на стаканчик бесплатной выпивки. Лично для меня это имело большое значение, так как в противном случае я бы не смог себе ничего подобного позволить, а вот Дека такое поведение забавляло, так как еще подростком он получил ничем не ограниченный доступ к трастовому фонду.

Заказав кофе, мы с Молли взяли паузу, каждый в ожидании, что же скажет собеседник. Вскоре я не вытерпел, поскольку хотел, чтобы она поскорее начала разговор, который на самом деле был для меня нежелателен.

— Что ты хочешь знать?

— Понимаю, это немного странно, — призналась Молли, — я давно хотела связаться с тобой, сразу после похорон, но, честно говоря, я была в шоке ... Такой кавардак ... Мне было стыдно, как папа обращался с тобой на похоронах. Я не знала, что тебе сказать, как извиниться.

— Не тебе следует извиняться ... ни тогда, ни теперь, — сказал я.

Молли тяжело вздохнула.

— Ну, я все равно извинюсь. Тебе следовало бы в тот день быть вместе с нами. Никто не знал Деклана лучше тебя.

— Твой брат был достойным человеком, — тихим голосом произнес я.

Я часто вспоминал Деклана, но не произносил его имя уже в течение нескольких лет. Я чувствовал себя странно, возможно, немного противоестественно.

— У папы в прошлом году случился инфаркт, — вдруг сообщила мне Молли.

Я нахмурился.

— Сочувствую.

Меня удивило, что я ничего об этом не знал, учитывая, что ее отец — одна из крупнейших фигур в медиабизнесе.

— Да. Утечку информации не допустили. Папа не хотел, чтобы всполошились акционеры.

Молли устало вздохнула и помассировала себе лоб. Затем она сказала:

— У папы случился инфаркт, а Деклан предположительно умер от вовремя не распознанной болезни сердца. Ну, как думаешь, папа попросил врачей разобраться с болезнью Деклана, узнать, не является ли она генетической?

Она взглянула на меня, ожидая, что я отвечу. Я приоткрыл рот, но не произнес ни слова. Мне показалась, что Молли странно удовлетворена моим потрясением, которое я не смог от нее утаить.

Скрестив руки на груди, девушка, не сводя с меня глаз, продолжила тихим голосом:

— Всякий раз, когда я заговаривала об этом, даже просто упоминала имя Деклана, папа начинал кричать, а мама плакать. Что-то явно не сходилось. Я не решалась признать это до папиного инфаркта. Было проще притворяться, что я не замечаю... Лео! Деклан покончил жизнь самоубийством?

Жестокий вопрос был задан без колебаний, но, когда я взглянул Молли в лицо, она вся сжалась, ожидая ответа.

— Нет, господи, нет! Он этого не делал!

Молли чуть заметно расслабилась.

— Ну? Очевидно, это была не случайная проблема с сердцем. Так чего я не знаю?

— Просто... — Я тяжело вздохнул, уставившись на поверхность стола. — Дай мне минутку. Хорошо?

Я задумался. Принесли кофе, и это дало мне немного времени отсрочки, но потом я поймал себя на том, что сижу и тупо смотрю на латте, натужно пытаюсь придумать, что же ей сказать.

Я знал, что Лейт и Даниэль Торрингтоны солгали миру о смерти своего сына, и у меня было предположение, почему они это сделали. Я также знал, что Молли ничего не знала о «недуге» брата при его жизни. Деклан просил нас помалкивать, и я понимал почему. Он боялся, что Молли плохо о нем подумает.

Прежде я не догадывался, что ложь ради ее блага продлится и после его смерти. Я презирал Лейта Торрингтона и все, что он собой олицетворял, но у меня не было даже тени подозрения, что этот человек опустится настолько низко.

— Лео, — очень мягко Молли напомнила мне о своем существовании.

Она старалась соблюдать деликатность, решив, что я до сих пор горюю о смерти близкого друга. Но я не горевал, по крайней мере, по-настоящему... Минуло уже десять лет, за которые я повидал столько ужасов, что сердце мое очерствело. Моя нерешительность вызвана была тем, что вместо ожидаемого горя я очутился на минном поле этических противоречий. Я пью кофе без сахара, но, чтобы отсрочить неизбежное, я потянулся к сахарнице, зачерпнул с пол-ложки и принялся медленно его размешивать. Затем я взглянул на нее.

— Не знаю, что тебе и сказать, Молли, — признался я.

— Ты знаешь что-то такое, чего не знаю я. Он болел?

Я вновь принялся помешивать кофе, лишь бы смотреть в чашку, а не в ее полные мольбы голубые глаза.

— Да, — слетело с моих губ.

На этот раз в ответе заключалась частица истины. Да, я знал, что он был *болен*. Деклан очутился в лапах чудовищной зависимости, которая была сильнее любой помощи, которую мы могли ему оказать. Я полагал, что Молли собирается спросить меня, какое душевное состояние привело Деклана к возникновению этой пагубной зависимости, и это само по себе было нелегко. Теперь же мне предстоял куда более сложный разговор. Я откашлялся.

— Молли! Спроси у Лейта и Даниэль.

— Я не могу... Я пыталась поговорить с ними, честно... Я настаивала, насколько меня хватало... Они не хотят... не могут говорить об этом. Они вообще теперь ничего не говорят о Деклане.

Страх в моем животе все возрастал. Я поставил чашку кофе на середину стола, отодвинулся назад на стуле и встал.

— Извини, мне жаль, но я не могу тебе помочь. Ты должна поговорить об этом с родителями, не со мной.

Я вынул бумажник из кармана. Немного неуклюже повозившись с застешками, я бросил банкноту на крышку стола. Этой суммы хватит, чтобы оплатить обе чашки. Только после этого я осмелился на прощание посмотреть Молли в лицо. Ее глаза сузились. Губы были плотно сжаты. Молли Торрингтон была вне себя от злости. Не впервые мне доводилось уходить от члена семьи Торрингтонов, доведенного мной до ручки, вот только на этот раз я почувствовал себя виноватым.

Молли тоже вскочила на ноги и теперь сверлила меня своим взглядом.

— Лео, — спокойно, но с непреклонными нотками решимости в голосе произнесла она. — Я заслуживаю знать правду, а никто, кроме тебя, не сможет мне этого рассказать.

Я вспомнил о последней ссоре с Лейтом в больнице. Труп Деклана остывал на койке позади него. Даниэль, лежа поверх сына, рыдала. Я вспомнил дыхание Лейта на моем лице и брызги слюны на своей коже, когда он окончательно утратил самообладание. Я помнил битву, которую вел сам с собой, сопротивляясь отвратительному желанию наброситься на старика. Я бы уложил его одним ударом кулака, одним метким ударом ноги. Он бы заткнулся, забрал назад эти жестокие слова, которые вонзались в свежие, исполосованные горем чувства.

«Ты грязный подонок! Это ты во всем виноват! Он бы ни за что не узнал, откуда это берется, если бы не ты и твоя убогая семья!»

Это была не моя проблема. Не мне ее рассказывать. Даже если она узнает, это ничем ей не поможет. Я боролся с искушением уйти, оставив ее стоять тут одну. Но, бросив взгляд на Молли, я увидел отчаяние в ее глазах. Я вздохнул.

— Это неподходящий разговор для кафе.

Молли вздрогнула, но моментально справилась со своими чувствами и подозвала официанта.

— Не могли бы вы перелить кофе в стаканчики на вынос?

Глава третья

Молли

Июль 2015 года

Лео очнулся после обеда. На этот раз, как только он приоткрыл глаза, стало ясно, что он находится в сознании. Когда я бросилась к нему с очками, его рука коснулась моей руки. Прикосновение показалось мне каким-то неловким. Я поняла, что ему не нравится то, что очки ему на нос надеваю я, а не он сам. Я улыбнулась про себя. Лео оставался все тем же упрямым, независимым человеком, которого я знала и любила.

— Привет, Лео, — мягко произнесла я.

— Привет, — прохрипел он.

Меня поразили глухота его голоса и непривычная сухость слов. Лео с шумом выдохнул воздух. На секунду его глаза закрылись. Руки переместились от лица к горлу.

Приоткрыв глаза, он прохрипел:

— Горло болит... Есть вода?

— Не знаю.

Я отчаянно жала на кнопку, вызывая медсестру. Тотчас же слышался звук приближающихся шагов. В палату вошла Альда. Среди медсестер она была одной из самых молоденьких, а еще Альда немного говорила по-английски. Ее темные брови при виде Лео поползли вверх. Девушка улыбнулась мне и захлопала в ладоши.

— Он очнулся!

За недели, проведенные в Риме, я лишь немного продвинулась в изучении итальянского, зато стала экспертом, вычленив английские слова из мешанины ее ужаснейшего акцента.

— Он *говорит*, — сказала я.

Только сейчас я в полной мере осознала, насколько это удивительно и замечательно. Я ощутила, как слезинка катится по моей щеке. Я смахнула ее тыльной стороной ладони, впрочем, расстраи-

ваться мне не стоило. Когда дело касалось его собственных чувств, Лео проявлял поразительную беспомощность. Слезами пронять его никогда не удавалось. Проведя большую часть взрослой жизни в зонах военных действий, он привык к страданиям.

— Можно воды? — попросил Лео.

Альда с жаром закивала головой.

— Ах, мистер Стефенс, я гляну. Как хорошо! — воскликнула медсестра и исчезла в дверном проеме.

— Где я?

Лео снова перевел взгляд на меня.

— Мы — в Риме, Лео.

— Нет, — возразил он. — Я — в Ливии.

— В Ливии? Нет, ты был аккредитован в Сирии, а потом, после автомобильной аварии, тебя оттуда эвакуировали на вертолете. Ты не помнишь?

— Нет, нет...

Лео отрицательно покачал головой, но это движение, по-видимому, вызвало у него боль. Он вздрогнул. Рука метнулась к голове. Я бросила взгляд на часы и поняла, что пришло время ему принимать лекарства.

— Ты серьезно пострадал. Ничего удивительного нет, что ты перепутал, — тихо произнесла я, пока мои пальцы проворно набирали на мобильнике групповое сообщение, адресованное друзьям и родным, оставшимся дома: *«Лео очнулся и разговаривает. Он растерян, амнезия, но он очнулся и говорит!!!»*

Нажимая на кнопку, чтобы отправить сообщение, я ощущала себя триумфатором. Теперь я была уверена, что у него все будет хорошо. Я просто знала это. Лео Стефенс всегда смеялся над чужими ожиданиями в отношении себя.

— Ничего я не путаю. Со мной все хорошо... Только голова болит, — произнес Лео.

Когда он посмотрел на меня, брови его сошлись на переносице. Он пошевелился на койке и слегка повел правым плечом, в которое он получил ранение четыре года назад. Может, его тревожила эта рана?

— Я был в Ливии. Я помню...

— Сейчас это неважно, — произнесла я настолько мягко, насколько могла.

В Сиднее было уже поздно, но, несмотря на это, экран моего мобильного телефона постоянно светился — начали приходить

сообщения от людей, отвечающих на мое хорошее известие. Внезапно Лео сердито вздохнул. Моя радость немного омрачилась при виде такого его высокомерия.

Не стоило удивляться тому, что Лео, выйдя из комы после серьезной травмы головы, все еще думает, что знает лучше меня, что с ним случилось. Пожалуй, как раз то обстоятельство, что Лео всегда точно знал, что происходит в его голове, привлекало меня к нему и в то же самое время сводило меня с ума на протяжении всего нашего брака.

— Почему ты здесь, кстати? — спросил он, а я не сдержалась и посмотрела на него с укоризной.

— Ты серьезно, Лео?

Насупившись, он покачал головой, и вдруг лицо его исказил приступ боли. Я постаралась сдержать растущее раздражение. Вопрос был справедливым, но, господи, почему он не может вставить куда-то в свою речь «спасибо, что прилетела»?

— Я не хотел... — откашлявшись, продолжил он, — извини.

— Просто было бы неправильно оставить тебя одного, — спустя несколько секунд пояснила я. — Если хочешь, я могу уйти.

— Ты теперь здесь живешь?

— О чем ты? — бросив мобильник в сумочку, я склонилась к нему, проясняя ситуацию. — Спрашиваешь, живу ли я в Риме? Нет, конечно же, не живу. Я осталась в Сиднее.

— Ну...

Лео еще раз кашлянул. То, что ему неловко, я поняла, когда он постарался не смотреть мне в глаза.

Он уставился на потолок, потом взглянул на меня и произнес, тщательно выговаривая слова:

— Спасибо... просто...

— Анна не смогла прилететь, Лео, — мягко сообщила я ему.

Его мать просто застыла на месте, когда ей сказали, что придется лететь. Мне не удалось уговорить ее сесть на самолет, не помогло даже то, что у Лео было немного шансов выкарабкаться. Я не хотела говорить об этом Лео. Поведение матери наверняка заденет его за живое. Пришлось солгать.

— Она хотела, но Терезе без нее не обойтись. Ей совсем непросто с мальчиками, а мы не знали, сколько времени понадобится. Ну, а Эндрю... он очень занят делами в центре. У него с Тобиасом уйма дел, особенно пока я здесь, поэтому мы не смогли оба прилететь...

Я продолжала молотить чушь, пока не заметила, как расширились глаза Лео и как оторопело он на меня смотрит. Я быстро мысленно «просмотрела» произнесенные мною слова, но, признаться, не поняла, в чем тут дело. Хотя и было ясно, что Лео разочарован тем, что, помимо меня, никого в палате нет, удивляться этому не следовало. Его семья — люди замечательные, но никто из них не мог позволить себе, бросив все, торчать у изголовья его больничной койки.

— Лео! Что с тобой?

Я бросилась к койке, намереваясь прикоснуться к руке мужа, но он отдернул ее. Я понимала, отчего так, но все равно было обидно. Я села, выпрямилась и отвернулась, надеясь, он не заметил, как сильно задел меня за живое.

— Можно вызвать медсестру? — с трудом произнес Лео.

Я решила, что ему плохо, и порывисто нажала на звонок.

— Что такое, Лео? Можешь сказать, где у тебя болит?

Лео отвернулся к двери. По его лицу скользнуло облегчение, когда в дверях появился другой человек... медбрат. Я тоже обрадовалась, так как Эдмондо прекрасно говорил по-английски. Он принес Лео болеутоляющее и большой стакан воды.

— Извините, что замешкался, мистер Стефенс. Мы должны были разобраться с врачом, можно ли вам начать принимать жидкости орально. У вас все хорошо?

— Да, спасибо... пожалуйста... — Лео взглянул на меня и откашлялся. — Могу я поговорить с ним наедине?

Я понимала, что это не лишено смысла, а еще напомнила себе, что Лео имеет право на личное пространство, вот только прочитанная самой себе лекция не помогала. Обида не ушла, зато росло раздражение. Я почти две недели просидела у его постели, Лео очнулся и сразу же попросил меня уйти. Неблагодарный!

— Хорошо, — поднимаясь, произнесла я.

Но, прежде чем сделать хотя бы шаг, я бросила на Лео убийственный взгляд на случай, если он каким-то образом не обратил внимание на мой резкий тон. Когда я дошла до двери, Эдмондо удивленно посмотрел на меня. Хотела бы я знать, что он обо всем этом думает, насколько странным ему кажется происходящее.

Меня смущало то, что наши личные отношения могут в самом ближайшем будущем стать достоянием персонала больницы. Лео сказал бы, что все это чушь, что я страдаю от хронической потребности в одобрении. Он, пожалуй, прав: я стыжусь неясно выриси-

вывающегося неодобрения медперсонала, хотя они еще даже не знают правду о нас.

Я вышла из палаты, но остановилась недалеко от двери так, чтобы слышать их разговор. Лео, быть может, хочет побыть наедине, но он перенес серьезную травму головы и, нравится это ему или нет, я до сих пор являюсь его женой и его единственной опорой и поддержкой в Риме. Пока я не удостоверюсь, что с ним все будет в порядке, я никуда не улечу.

— Как вы себя чувствуете, мистер Стефенс?

Я услышала звуки шагов, зажужжал моторчик — это медбрат менял угол наклона койки.

— Нормально...

Воцарилась тишина. Послышался плеск воды, которую пил Лео.

— Сколько я уже здесь лежу?

— Почти две недели, — ответил Эдмондо.

Послышался стук пальцев по клавишам. По-видимому, медбрат набирал на компьютере свежую информацию о состоянии больного.

— У меня черепно-мозговая травма?

— У вас в черепной коробке — трещина.

— У меня поэтому болит горло?

— Это из-за аппарата искусственного дыхания. Со временем вам станет легче.

— Мне трудно говорить.

— Вы попали в очень серьезную передрыгу, мистер Стефенс. Я удивлен, что вы вообще в состоянии разговаривать.

— Молли... Она здесь давно?

Я прикусила губу. Сколько же холодности в голосе Лео! Как же до такого дошло? Я пролетела полмира, чтобы быть рядом с ним. Ведь я заслужила хотя бы немного тепла!

— С самого начала, сэр. Она прилетела на следующий день после того, как доставили вас.

— И... вы не знаете, зачем ей это?

— Что, мистер Стефенс?

— Почему она здесь? — спросил Лео.

В его голосе звучало нетерпение. Я нахмурилась и ближе придвинулась к двери, не уверенная, правильно ли я все расслышала. Уж что-что, а понять, почему я прилетела, Лео должен. Как бы там ни было, а я-то знала, что, случись со мной подобное, муж так же моментально примчался бы.

Письмо Келли

Большое спасибо всем, кто прочел роман «*Когда я тебя потеряла*». Надеюсь, вам понравилось читать о Лео и Молли так же, как мне нравилось о них писать.

Читателям моего романа я буду очень благодарна, если они найдут еще немного времени, чтобы написать свой отзыв о книге. Я очень ценю мнение своих читателей, а ваши отзывы помогут другим составить мнение о моих книгах.

И напоследок, если вы хотите получить по электронной почте уведомление о выходе моей очередной книги, зарегистрируйтесь в рассылочном списке на моем веб-сайте. Я рассылаю электронные сообщения только тогда, когда новая книга закончена, и не передаю адреса вашей электронной почты третьим лицам.

www.kellyrimmer.com/email

Келли

P. S. Быть может, вам понравятся и другие мои романы: «*Тайная дочь*» и «*Без тебя*».

Твиттер: @KelRimmerWrites

Фейсбук: Kellyrimmer

www.kellyrimmer.com

Слова благодарности

Я бы не смогла дописать эту книгу без помощи моего терпеливого замечательного редактора Эмили Растон. Эмили! Я не могу в полной мере выразить свою благодарность за ту помощь, которую ты оказала мне в написании романа. Для меня это было не только большим удовольствием, но и большой честью снова работать с тобой.

Большое спасибо всем сотрудникам «Букаутур». Оливер Родес! Огромное спасибо за то, что Вы поверили в мои истории, за то, что были щедры на советы и дали мне представление об издательском бизнесе. Я очень признательна за наше тесное сотрудничество.

Благодарю Лидию Вассар-Смит за то, что не давала мне опаздывать с крайними сроками, благодаря чему мне удалось все сделать вовремя. Выражаю свою признательность Ким Нэш, менеджеру по рекламе, и ее поистине материнской заботе. Спасибо за все!

Огромная благодарность моим подругам-писательницам из «Букаутура», которые оказывали мне бесценную помощь, представляя и рекламируя мои книги в социальных сетях, а также постоянно поддерживали во мне веселое настроение, чем не давали сойти с ума, по крайней мере, я осталась похожей на человека в здравом рассудке.

Моя книга во многом выиграла благодаря пониманию друзей и коллег. Хелен! Ты познакомила меня с невероятным миром журналистики. Отображением безудержной страсти Лео к своей профессии я во многом обязана нашим с тобой беседам. Спасибо! Выражаю свою признательность и моей сестре Минди за идею памятных татуировок Лео, а также моим дорогим друзьям Питеру и Кисани, подарившим мне идею фотографии пожилой супружеской пары, и за наши длившиеся допоздна разговоры.

Переходя к более практичным вещам, хочу поблагодарить Райана и Ребекку за то, что предоставили мне свой «запасной» дом

в качестве моего убежища, когда меня начали поджимать сроки. Благодарю маму и папу за то, что всегда в меня верили. Вы одолжили мне обеденный стол и с любовью ко мне позволили уничтожить почти все съестные запасы в вашем доме, когда моя работа приковывала меня к столу, заставляя полностью сосредоточиться на ней.

Наконец, большое спасибо моему мужу Дэну за то, что поверил в меня, смирившись с бесконечной вереницей часов, проведенных мной за клавиатурой, и за то, что занялся карате, когда мне понадобились консультации.

Содержание

Часть первая

Глава первая. Моли	9
Глава вторая. Лео	13
Глава третья. Моли	24
Глава четвертая. Лео	42
Глава пятая. Моли	48
Глава шестая. Лео	58
Глава седьмая. Моли	71
Глава восьмая. Лео	81
Глава девятая. Моли	94
Глава десятая. Лео	101
Глава одиннадцатая. Моли	110
Глава двенадцатая. Лео	124
Глава тринадцатая. Моли	131
Глава четырнадцатая. Лео	135
Глава пятнадцатая. Моли	144
Глава шестнадцатая. Лео	147
Глава семнадцатая. Моли	156
Глава восемнадцатая. Лео	166
Глава девятнадцатая. Моли	178
Глава двадцатая. Лео	181
Глава двадцать первая. Моли	184
Глава двадцать вторая. Лео	205
Глава двадцать третья. Моли	210

Часть вторая

Глава двадцать четвертая. Лео	219
Глава двадцать пятая. Моли	226
Глава двадцать шестая. Лео	228

Глава двадцать седьмая. Молли	235
Глава двадцать восьмая. Лео	238
Глава двадцать девятая. Молли	246
Глава тридцатая. Лео	249
Глава тридцать первая. Молли	261
Глава тридцать вторая. Лео	263
Глава тридцать третья. Молли	274
Глава тридцать четвертая. Лео	279
Глава тридцать пятая. Молли	286
Глава тридцать шестая. Лео	288
Глава тридцать седьмая. Молли	293
Глава тридцать восьмая. Лео	311
Глава тридцать девятая. Молли	319
Глава сороковая. Лео	320
Глава сорок первая. Молли	328
Глава сорок вторая. Лео	338
Эпилог. Молли	342
Письмо Келли	346
Слова благодарности	347

Літературно-художнє видання

РИММЕР Келлі
Коли я тебе втратила

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кірятська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. М. Журенко*

Підписано до друку 19.10.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Арно». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Відадруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

РИММЕР Келли
Когда я тебя потеряла

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. Н. Журенко*

Подписано в печать 19.10.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Арно». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Моллі та Лео — люди з різних світів. Вона — заможна дочка впливового батька. Він — журналіст, який працює в «гарячих точках» та щодня ризикує життям. Але для справжнього кохання, що спалахнуло між Моллі та Лео, здавалося, не існує перепон. На жаль, романтика тривала недовго: Лео не схотів розлучитися з небезпечною роботою, яка стала для нього наркотиком, уважаючи сімейне життя нудною рутинною. Одного дня, втративши майже все, Лео усвідомлює цінність того, що мав. Чи буде в нього другий шанс, щоб почати все спочатку?

Риммер К.

P51 Когда я тебя потеряла : роман / Келли Риммер ; пер. с англ. О. Буйвола. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 352 с.

ISBN 978-617-12-4178-7

ISBN 978-1-910751-90-9 (англ.)

Моллі и Лео — люди из разных миров. Она — состоятельная дочь влиятельного отца. Он — журналист, работающий в «горячих точках», ежедневно рискующий жизнью. Но для настоящей любви, вспыхнувшей между Моллі и Лео, казалось, не существует преград. Увы, романтика продлилась недолго: Лео не захотел расставаться с опасной работой, которая стала для него наркотиком, считая семейную жизнь унылой рутинной. В один день, потеряв почти все, Лео осознает ценность того, что имел. Будет ли у него второй шанс, чтобы начать все сначала?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)